

Е.С. Романичева

Г.В. Пранцова

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Елена Романичева

**Функциональное чтение.
Теория и практика**

«Неолит»

2020

УДК 80
ББК 78.303

Романичева Е. С.

Функциональное чтение. Теория и практика / Е. С. Романичева —
«Неолит», 2020

ISBN 978-5-6043562-6-5

Пособие предлагает различные стратегии текстовой деятельности (чтения и письма), которые призваны способствовать развитию навыков функционального чтения и функциональной грамотности. Книга развивает идеи формирования квалифицированного читателя, заложенные в пособии «Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом». Структура пособия позволяет использовать его как последовательно, так и выборочно для решения конкретных проблем, связанных с формированием умений функционального чтения. Соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей вузов разного профиля.

УДК 80
ББК 78.303

ISBN 978-5-6043562-6-5

© Романичева Е. С., 2020
© Неолит, 2020

Содержание

Введение	6
1. Определяем «значение слов»: термины современного дискурса	10
Теоретический блок	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Романичева, Галина Пранцова
Функциональное чтение. Теория
и практика. Учебное пособие

© Романичева Е.С, Пранцова Г.В., 2019

© Издательство «Неолит», 2019

Введение

Это чудесно, когда у тебя в распоряжении изобилие информации, – но в какой-то момент необходимо научиться ее сортировать, чтобы ею не захлестнуть себя. Нужно сначала научиться пользоваться информацией, а потом пользоваться умеренно. Безусловно, это станет одной из проблем образования в наступившем веке.

У Эко. Картонки Минервы

Больше пяти лет назад вышло наше учебное пособие «Современные стратегии чтения: теория и практика. Смысловое чтение и работа с текстом», на сегодняшний день выдержавшее пять изданий. Казалось, срок невелик, и учебная книга еще послужит нескольким поколениям студентов. Однако в последнее время стал особенно очевидным тот факт, что в школе и вузе, как правило, школьники и студенты учатся читать (если не считать уроков литературы или вузовских филологических курсов по анализу текста) в основном учебные, т. е. специально созданные тексты, существенно реже – научно-популярные и научные. В повседневной жизни же им приходится и придется в дальнейшем встречаться большей частью с совершенно другими текстами. Тот факт, что оригинальные тексты, т. е. не созданные специально, не ориентированные на какой-то конкретный предмет, а бытующие в нашей повседневности, не привлекаются на учебные занятия, сыграл с нашим образованием плохую шутку. Выпускники начальной школы, показавшие очень высокие результаты в исследовании PIRLS, в рамках которого оценивается читательская грамотность, не «подтверждают» свои достижения в исследовании PISA, где также проверяется читательская грамотность (а еще математическая, естественнонаучная, финансовая) пятнадцатилетних. «Причины невысоких результатов российских учащихся отечественные эксперты видят в том, что в процессе обучения российские школьники почти не встречаются с заданиями междисциплинарного характера, у них целенаправленно не формируются общеучебные умения; в ходе изучения отдельных предметов они практически не встречаются с жизненными ситуациями, в которых чтение им необходимо для решения общественных и практических задач, за исключением чтения художественной литературы; учебные задачи, которые решают школьники, далеки от жизненных интересов и социального опыта учащихся», – пишет международный эксперт по читательской грамотности Г.С. Ковалева [2, с. 7–8]¹. Конечно, дело совсем не в результатах, а том, что молодые люди, вступающие в жизнь, которая наполнена текстами, не умеют их читать. Поэтому подписывают кабальные финансовые (и не только) договоры и трудовые соглашения, реагируют на рекламу и покупают ненужные товары или товары ненадлежащего качества, не могут отличить манипулятивный текст от информационного, факт от фейка. В нашу парадоксальную эпоху постправды², эпоху «выдуманных» (фейковых) новостей, эпоху необъяснимого массового доверия, мягко говоря, очень «странным» источникам, эпоху слепой веры в написанное очень важно формировать и постоянно развивать навыки не только смыслового, но и функционального чтения. Навыки, которые позволят нам решать наши многочисленные жизненные и житейские проблемы с помощью чтения текстов. Именно это стало первым шагом к работе над новым пособием.

---

¹ Здесь и далее ссылка на источник дана следующим образом: первая цифра – указание на номер источника в списке литературы после основного текста, вторая – номер страницы. Если указание на страницу отсутствует, значит, мы просто обращаем вас к источнику в целом.

² «В 2016 году словом года в Оксфордском словаре стало понятие „постправда“, которое определяется как „нечто относящееся к обстоятельствам или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты влияют на формирование общественного мнения меньше, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям“. Это слово стало победителем, так как количество его использований взлетело до небес» [1, с. 13].

Вторым таким шагом стало достаточно ясное осознание того факта, что существенно изменился сам характер чтения: мы стали на порядок больше читать с экрана гаджета, и, как следствие, механизм экранного чтения существенно повлиял на чтение «бумажной» книги. И времени на чтение (любое), досуговое и даже профессиональное, у нас стало существенно меньше – темп жизни вырос необычайно. Очень точно об этом сказала на своей странице в фейсбуке филолог и критик Евгения Вежляна (Е.И. Воробьева): «Продолжаю <...> про чтение и время. Вырисовывается нечто вроде „экономики чтения“, где время – это инвестиция. Это ограниченный ресурс, который нужно рационально распределить, предварительно оценив издержки. Проблема в том, что чтение (если текста, а не слушание аудиокниги) – это процесс, который нельзя совместить с другим процессом. Он не может быть фоновым. Он поглощает. Время чтения тем самым становится очень дорогим, поскольку становится временем отказа от прочей деятельности. Значит, ценность процедуры выбора (та книга, а не эта) возрастает. Выбор книги является предельным выбором (если я в то время, которое могу уделить чтению, выбираю читать книгу, то все остальные книги оказываются мной отвергнуты). Этот выбор является предельным еще и потому, что это – выбор между разными группами ценностей, предполагающий, что, выбрав книгу, мы нечто тем самым говорим (себе или другим) (слишком большие временные затраты при большом временном дефиците делают читательский выбор ответственным высказыванием, то есть работой). Вот почему многие предпочитают вообще не выбирать чтение. Вот почему те, кто выбрал чтение, подвержены специфическим неврозам. Читательский выбор в его чистом виде заставляет нас пережить экзистенциальный опыт, ощущать время как время моей жизни и моей смерти, как время ценности-для-себя, которого у меня на самом деле нет, хотя я хочу пребывать в иллюзии, что оно есть. Книги опасны в глубинном, почти магически-древнем смысле. Пребывая в ситуации чтения, читатель преодолевает искушения вовлеченности» (https://www.facebook.com/search/top/?q=%D0%B5%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D0%BB%D1%8F%D0%BD&era=SEARCH_BOX, пост от 18.08.2019). Обсуждая этот пост, одна из респонденток отметила, что чтение – это своеобразное заполнение «щелей времени», что мы читаем так же «отрывисто», как заглядываем в ленту новостей или в социальные сети, что читаем мы сразу несколько книг, проглатывая то из одной, то из другой две-три страницы.

От себя добавим: практики чтения³ стали очень разнообразными, они постоянно меняются, возникают в нашей жизни и исчезают из нее. Изменились не только читательские практики, но и сами тексты. Жизнь в мире визуальной культуры приучила нас к текстам, в которых слово и изображение взаимосвязаны, и постепенно приучает к книгам и текстам, в которых не «многобукф», а много «картинок», рассматривая которые, мы тоже... читаем.

Наверное, перечень «причин», по которым мы решились на создание нового учебного пособия, можно расширять бесконечно, но нам представляется, что и перечисленных достаточно. Однако, как оказалось, нет. Появилось еще одно (пусть косвенное) подтверждение того, что обращение к функциональному чтению и функциональной грамотности своевременно. Это подтверждение мы увидели на страницах в фейсбуке. Учитель словесности Новой школы (Москва) С.В. Волков, чей профессионализм признан педагогическим сообществом, что называется, подбросил тему: «Сегодня на общешкольном семинаре, разбираясь с оцениванием, вышли на authentic assessment – аутентичное оценивание. Это не когда учитель английского сидит и слушает топик о том, как заказывать по-английски гостиницу (или даже исполняет роль гостиничного менеджера в игре), а когда ученику дают трубку телефона и он заказывает реальную гостиницу по-английски. Заказал – экзамен пройден, нет – нет. Реальная жизненная

³ Под *практикой* мы понимаем чувственную предметную деятельность, совокупность навыков целесообразной деятельности. *Читательские практики* — это виды и способы деятельности читателей при взаимодействии с печатной и электронной культурой, это принятые в культуре (традиционные и новые) способы и навыки обращения с книгами, иными печатными и электронными артефактами.

история с реальным пониманием результата. Задача из английского убедительна, но нелегко масштабируется, например, в словесность. *Что это могло бы быть у нас, на нашей почве* <при оценивании результатов обучения литературе и русскому языку. – *ЕР, ГП*>?». Предложений было много, задания разные: «написать статью в Википедию», «объяснить сложное стихотворение однокласснику», «написать учебник „понятными словами”», «несколько готовых деепричастных и причастных оборотов вставить в самостоятельно написанную инструкцию для пенсионера...», «провести экскурсию по литературным местам», «отредактировать текст на каком-нибудь сайте (ресторана, автомастерской...)», «выполнить задание по редактуре на бирже копирайтеров», «написать на себя характеристику, рекомендательное письмо...» и др. Ответ на вопрос С. Волкова, связанный с проблемой оценивания в школе, не был найден, и потому, как он сам оценил, «дело наше плохо» (https://www.facebook.com/groups/820290371326963/?multi_permaLinks=2502473746441942&notif_id=1566414875657260&notif_t=group_activity) Эту проблему видим и мы. Но в данном обсуждении нас как авторов привлекло неожиданно совсем иное. Все его участники предлагают в качестве средств оценивания вполне конкретные результаты образовательной деятельности учеников. Достичь подобных результатов, которые потребуются им не только для экзамена/зачета, но для взаимодействия с социумом, учащиеся могут, лишь овладев *функциональной грамотностью*. И это еще одна «причина», чтобы наше пособие появилось.

Скажем несколько слов о **структуре пособия**. Начинается оно, как вы уже увидели, с Введения. Основная часть пособия состоит из нескольких параграфов, каждый из которых посвящен либо новой практике чтения и связанными с ней стратегиями, либо актуализации тех стратегий, которые сегодня помогают нам ориентироваться в мире текстов с наиболее эффективно, либо практикам создания письменных текстов. Ведь грамотность, как ее понимают в современном мире, это единство чтения и письма. И еще одно замечание: мы пытались отобрать те стратегии чтения и письма, которые будут нужны не только в период обучения в вузе, но и в дальнейшей жизни. Этот подход определил и выбор стратегий, и содержание параграфов в целом. Создавая их, мы во многом следовали девизу международного исследования PISA – «Учимся для жизни».

Каждый параграф состоит из *теоретического блока* и *практического блока*, и завершается разнотипными *заданиями*. В некоторых параграфах эти задания и составляют *практический блок*. В других – заданиям предшествует текст. Каждому параграфу мы попытались подобрать эпиграф, через который приглашаем вас войти в тему, потому что считаем: вы должны представлять, какое новое знание приобретете и чем оно обогатит вас.

Мы отказались от «Глоссария», который завершал предыдущее пособие, включив толкование читателеведческих терминов в основной текст, правда, в тексте Введения они вынесены в постраничные сноски, а в параграфах даны по ходу изложения.

Книгу в целом, как и каждый параграф, завершает *список литературы*. Только *литература* к параграфу непосредственно связана с его темой, а в *список* в конце пособия включены новые книги по чтению, которые вышли после 2016 года, когда в третьем издании «Стратегий...» этот раздел был существенно обновлен), и письму. Мы надеемся, что какие-то из упомянутых в книге источников привлекут ваше внимание и будут вами отмечены в ваших списках книг как чтение «на перспективу».

Задание. При желании вы можете составить свой *Глоссарий* или *Словник* (только тогда в скобках укажите страницы, где приведено толкование термина) к тексту пособия.

Литература

1. *Левитин Д.* Путеводитель по лжи. Критическое мышление в эпоху постправды. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. – 272 с.

2. Метапредметные результаты. Стандартизированные материалы для читательской грамотности. Пособие для учителя. 9 класс / под ред. Г.С. Ковалевой. 2-е изд. – М.; СПб.: Просвещение, 2019. – 176 с.

1. Определяем «значение слов»: термины современного дискурса

Существует давнее изречение: если хочешь избежать ненужных споров, уясняй термины... его, возможно, следовало бы развить: уясняй концепции.

Ю.В. Манн

В этом параграфе вы узнаете:

какие «новые» термины по проблемам чтения входят в современный научно-образовательный дискурс;

- что такое «новая грамотность»;
- чем отличается просто «грамотность» от «функциональной грамотности», а «смысловое» чтение от «функционального».

Теоретический блок

«Определяйте значение слов, и вы избавите мир от половины его заблуждений», – так цитирует Рене Декарта А.С. Пушкин. Этот «призыв» великих звучит особенно актуально сегодня применительно... к чтению. Исследования в этой области, которые в последние годы носят междисциплинарный характер, особенно отчетливо показали: прежде всего необходимо договориться о терминах, которые мы употребляем: «...все содержание науки, как таковой, сводится именно к терминам в их связях, которые (связи) первично даются определениями терминов», – так считал П.А. Флоренский [цит. по: 5, с. 25]. Нельзя сказать, что в этом направлении не сделано ничего: за последние несколько лет было предпринято несколько попыток приступить к созданию терминосистемы по чтению [3; 1, с. 12–73]. Обе эти работы – при разнице названий – представляют собой словники, т. е. перечни терминов. В первой из них таких терминов чуть более четырехсот, во второй, вышедшей спустя три года, – в два раза больше. Это вовсе не значит, что за данный период появились новые термины. Это значит только одно: проблема чтения стала очень актуальной, поэтому как в научный, так и в повседневный обиход входит все больше и больше терминов, с ней связанных. Однако если в науке принято определять термины, то в тех текстах, которые обрушиваются на нас постоянно в первую очередь с новостных лент, они не просто не определяются, а путаются. Это касается прежде всего таких терминов, как *грамотность*, *функциональная грамотность*, *новая грамотность*, *смысловое чтение*, *функциональное чтение*. Указанные понятия используются сейчас не только узким кругом специалистов, но и журналистами, пишущими о чтении, чиновниками, говорящими о проблемах чтения, и т. д. А мы с вами понимаем, что как только кто-то из высоких чиновников, особенно связанных с культурой, образованием/ просвещением, наукой что-то сказал о чтении, используя вышеупомянутые термины, новость разлетается по всем СМИ, зачастую обрастая «своеобразными» интерпретациями, внедряясь в обыденное сознание.

Так, например, сегодня уже говорят не о грамотности, а о грамотностях: читательской, математической, финансовой, гражданской и т. д. Изначально грамотность связывали с владением навыками устной (говорить) и письменной (читать и писать) речи в соответствии с нормами литературного языка. В обыденном сознании грамотным считался человек, который не допускает ошибок при чтении и письме, имеет достаточный словарный запас и владеет правильной устной речью, т. е. говорит, не нарушая норм (лексических, грамматических, орфоэпических). Как указывает Н.Н. Сметанникова, в 50-х годах прошлого века ЮНЕСКО определило грамотность «как совокупность умений, включающих чтение и письмо, применяемых в социальном контексте, при этом понятие грамотности базировалось на процессе использования, применения знаний или „процедурных” знаниях, отличающихся от „декларативных” знаний (т. е. знаний о чем-то)» [8]. Чуть позже, в 1957 году, ЮНЕСКО были введены понятие «минимальная (или базовая) грамотность», которое определялось как способность читать и писать простые тексты, и «функциональная грамотность», о которой мы скажем чуть ниже.

Некоторое время назад стало очевидно, что грамотностей стало слишком много. Причина в том, что «к началу XXI века стало понятно, что устарело и предметное содержание школьного образования, сформировавшееся в середине прошлого века. Различные профессиональные и общественные группы начали указывать на это отставание и настаивать: дополнительные знания должны быть включены в обязательную школьную программу, они являются новой грамотностью. К 2010-м годам список таких „новых грамотностей” насчитывал более 50 наименований, включая финансовую, медицинскую, цифровую, правовую, экологическую и другие „грамотности»» [9, с. 9], и всем им – это особенно важно – нужно учить. Иными словами, список того, чему нужно учить в современной школе и какие навыки формировать в процессе обучения, постоянно увеличивался, и стало понятно, что пополнение списка «зна-

ний и умений» – тупиковый путь. Именно поэтому международное сообщество предприняло попытку структурировать все «грамотности», сместив акценты от базовых предметных знаний к «мягким навыкам» («универсальным компетенциям»), так называемым *4K*-компетенциям, или навыкам XXI века:

- коммуникации;
- коллаборации (или сотрудничеству), понимаемой как процесс совместной деятельности в какой-либо сфере двух и более людей для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия (консенсуса);
- критическому мышлению, куда «зашито» чтение и письмо;
- креативности.

Разрабатывая концептуальную рамку предложенной стратегии, исследователи пришли к выводу, что понятие «новую грамотность» необходимо конкретизировать, разведя понятия, его составляющие на две категории:

- базовая инструментальная грамотность;
- базовые специальные современные знания и умения.

Остановимся на первом понятии и вспомним, что термин, в общем, не нов, но современными исследователями он несколько уточнен словом *инструментальная*. Необходимость этого уточнения вызвана тем, что во внимание приняты современные инструменты коммуникации, определяющие форматы взаимодействия человека с человеком, текстом, а также способы передачи информации: человек – человек, человек – гаджет. Заданная таким образом рамка исследования позволила определить, что в базовой инструментальной грамотности присутствует три составляющих (три грамотности):

- «читательская (читать, писать) – способность воспринимать и создавать информацию в различных текстовых и визуальных форматах, в том числе в цифровой среде (*literacy + digital literacy*) (на естественных языках);
- математическая (включая работу с данными) – способность применять математические инструменты, аргументацию, моделирование в повседневной жизни, в том числе в цифровой среде (*numeracy + data literacy + digital literacy*);
- вычислительная и алгоритмическая – способность воспринимать и создавать информацию на формальных языках, языках программирования (*computational literacy*)» [9, с. 18].

Обратим внимание на то, как сегодня определено понятие «читательская грамотность». Мы традиционно трактуем его так, как это принято в международных исследованиях:

- **PIRLS**: читательская грамотность – способность понимать письменную речь во всем разнообразии ее форм для целей, определяемых обществом и/или ценных для индивида;
- **PISA**: читательская грамотность – способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни.

Что добавляет к этим ставшим уже привычными определениям новая трактовка? Во-первых, читательская грамотность связывается не только с чтением как практикой, но и письмом. Быть грамотным в области чтения (а *literacy* переводится именно так) – значит уметь воспринимать информацию (т. е. владеть чтением-техникой, т. е. уметь декодировать написанные тексты и переводить их в устно-речевую форму) и чтением-пониманием (т. е. владеть навыками смыслового чтения) и создавать тексты, вторичные и оригинальные. Во-вторых, чтение и письмо связываются с носителем (бумага, гаджет) и с визуализацией информации. Ю.Н. Щербина, опираясь на исследования Р. Косара, отмечает, что визуализация преимущественно генерируется автоматически, создается компьютерной программой, носит общий характер и не зависит от контекста [11, с. 18]. А это значит, что современный читатель должен уметь воспринимать (и создавать) информацию в разных средах и на разных носителях. Из сказанного очевидно следует вывод: читательская грамотность уже не связывается только с чтением «листа»,

речь идет и о чтении с экрана. Грамотный читатель – это тот, кто умеет читать и создавать разные тексты: сплошные, несплошные, составные, тексты «новой» природы – и умеет делать это на разных носителях, бумажных и цифровых. Грамотный читатель – это тот, кто владеет стратегиями и приемами *смыслового чтения*, т. е. умеет воспринимать графически оформленную текстовую информацию и перерабатывать ее в личностно-смысловые установки в соответствии с коммуникативно-познавательной задачей (по А.А. Леонтьеву). Это читатель, который разные тексты в разных ситуациях читает по-разному, умеет выбирать стратегии чтения текста и менять их по мере необходимости, исходя из своей задачи (внимательно изучить, быстро просмотреть, чтобы найти нужную информацию, и т. д.) и особенностей читаемого текста.

Что еще бросается в глаза даже при самом беглом сравнении нескольких различающихся между собой толкований читательской грамотности? В определении появилось слово «информация», а не «письменный текст», «письменная речь». Мы можем предположить (только предположить!), что это слово трактуется как общенаучное понятие (см. приведенное выше определение А.А. Леонтьева), обозначающее в самом широком смысле обмен сведениями, однако нигде в докладе это не обозначается. А замена существенная. Почему она произошла – вопрос, требующий дальнейшего серьезного исследования. Однако очевидно одно: новая трактовка понятия «читательская грамотность» отмечена налетом прагматики. Возможно, это произошло потому, что чтение как практика, не выдержав конкуренции, перестало занимать значительное место в структуре досуга современного человека. Возможно потому, что в современном мире изменился и сам характер чтения: оно приобрело и продолжает приобретать инструментальный характер. Хотя справедливости ради нужно отметить, прагматика присутствовала и в определении читательской грамотности (PISA): глагол «использовать» в ее формулировке указывает на функциональные, прикладные аспекты работы читателя с текстом. Однако этот аспект нивелируется, сглаживается следующим глаголом – «размышлять», указывающим на активность читателя, подчеркивающим его субъектность. К сожалению, данного акцента в новой, предлагаемой в международном докладе трактовке термина нет.

Хотя в России есть исследования, в рамках которых предлагается развести понятия «читатель» и «субъект чтения». Автор предлагаемого разделения – психолог С.А. Шаповал – полагает возможным с учетом специфики текстов и ситуаций обращения к ним «оставить понятие „читатель” только для описания общения человека с художественным текстом, а для описания взаимодействия человека с любым другим (т. е. нехудожественным текстом) и процессов получения информации с помощью текста принять понятие “субъект чтения”» [6, с. 78]. Таким образом, по мысли исследователя, можно будет дифференцировать сферу эстетики и сферу прагматики в читательской деятельности. Для нас в приведенной цитате важен не тот факт, что исследование есть, но его результаты не внедрены в массовую практику, а тот, что даже при таком разведении понятий акценты поставлены на том, что в процессе чтения любых (и художественных, и нехудожественных текстов) главное: читающий мыслится как субъект деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.